

Марина
СЕРОВА

Никогда
не говори
«НИКОГДА»

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Секретный агент Багира

Марина Серова

Побег из ада

«Научная книга»

Серова М. С.

Побег из ада / М. С. Серова — «Научная книга», — (Секретный агент Багира)

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Серова

Побег из ада

Пролог

Угли осеннего костра

Смуглый бородатый человек с гладко выбритым костистым черепом подошел вплотную к высокому светловолосому парню с разбитым в кровь лицом и вывернутыми за спину руками и спросил:

– Путинцев твая фамилия, мнэ сказали? Пачты Путин, да?

Тот что-то ответил, однако его слова были заглушены почти добродушным – с оттенком иронии – рокотом бородатого:

– Нэ оправдывайся, малчик. Твою гребаную Россию вэс мир дрючить собрался. Ми только пэрвая ласточка. А дальше будэт веселей. Думаешь, замкнете кольцо вокруг Грозного, и все – кончилось теплое лэто, да? Так у вас говорится, малчик?

Светловолосый парень медленно поднял голову и посмотрел налившимися кровью глазами в ухмыляющееся бородатое лицо. В глазах и всем облике русского не было ни страха, ни кошмарного, раздирающего мозг предчувствия чего-то неотвратимого и еще более ужасного, чем сама смерть.

Такие лица, как у этого пленного солдата, вероятно, были у мучеников в подвалах инквизиции.

Русский мальчик был слишком измучен, выжат и опустошен, его тело слишком онемело и как будто остыло от сгребшей его когтистыми лапами боли, чтобы еще и бояться. Из этого тела – капля за каплей – уходила жизнь.

Очень больно. Но уже не страшно. На любого человека может лавиной хлынуть всепоглощающее ощущение страха, а потом ужас перегорает и издыхает синеватым дымком, как умирающие под колким ночным дождем угли осеннего костра. Это когда после десятой рюмки одиннадцатая идет как вода и человек падает под стол – только не до утра. Навсегда.

И уже все равно.

То же самое было и с Сашей Путинцевым. Можно сказать, что он уже умер, и только душа продолжала сопротивляться и поддерживала в теле последнюю искорку жизни.

– Вашу Россию собрался дрючить весь мир, – повторил чернобородый, и деланное добродушие прорвалось в его голосе хриплой клокочущей злобой, как невинный на первый взгляд гнойник прорывается желто-зеленым и словно разбухающим на глазах гноем. Противно. Но еще противнее тот гной, что назревает в прогорклой и слепой от жестокости душе. – Ты думаешь, что вам памогут Штаты... пришлют сюда своих мыроторцев?

Слова чернобородого падали тяжело и неумолимо точно, словно раз за разом били в одну и ту же измочаленную, выцветшую мишень. Но все равно – совершенно зря он тратил свое красноречие: Саша уже ни на что не реагировал.

Он умер.

Правда, ноги его еще шли, а полуослепшие от крови глаза еще что-то видели, когда его одним коротким, без замаха, тычком втолкнули в небольшую камеру. Стены ее были не кирпичными и не каменными – металлическими. Мягкие матовые блики легли на металл, когда потоки рассеянного вечернего света ворвались сюда вместе с гортанным говором, коротким стоном русского и глухим стуком тяжелых, военного образца, ботинок.

И этот металл был не железо. Свинец. Тот самый, что не поддается действию кислот и непроницаем для множества видов излучений. Свинец... свинцовая камера.

Зачем?

В камере находился еще один человек. Когда распахнулась дверь, он пошевелился и закрыл глаза сухой морщинистой рукой.

По угловатым чертам его вытянутого смуглого лица, длинному горбатому носу, некогда черным, а теперь выцветшим, неопределенного цвета глазам, а также длинной седой бороде можно было определить, что он кавказец. Аксакал. И само нахождение его в таком малопочтенном месте являлось не то чтобы нарушением кавказских обычаев, но и прямым попранием всех традиций. Плевком в душу того народа, к которому принадлежал тот старик.

– Видишь этого дагестанского пса? – проговорил чернобородый и рывком поднял голову Путинцева так, чтобы мутный взгляд русского коснулся съежившейся фигуры старого узника. – Он призывал народ к капитуляции перед твоими сородичами. Русские захватывали его село, и он предал нас. Он останется с тобой вот в этом месте. Старик, у тебя случайно нет в жилах славянской крови?

Тот повел головой и надтреснуто проскрипел что-то неразборчивое и безнадежное.

– Ну, твое счастье, если так. А то сам увидишь, что будет с тем, у кого эта кровь есть. – И чернобородый что-то отрывисто крикнул стоящим за его спиной таким же, как он, бородатым людям в армейском камуфляже, и тотчас же в камере вспыхнул свет.

– Смотри, почтенный, – насмешливо проговорил боевик и исчез в дверном проеме. Дверь – тяжелая, металлическая – гулко и увесисто хлопнула, да так, что по всей камере поплыл звенящий резонирующий звон.

Старик поднял голову и с искоркой интереса посмотрел на сползшего вниз по стене Сашу. Хотя в этом остром и живом, несмотря на преклонные годы, взгляде светился не столько интерес, сколько сострадание и жалость.

– Ты русский, да, сынок? – медленно выдавили тонкие старческие губы. – Как же это ты попал в плен... к этим зверям?

Старик хорошо говорил по-русски, без акцента, разве что несколько дольше, чем то принято в русском языке, растягивал гласные. Ответа он не получил. Старик горестно вздохнул, захрипел и попытался подняться, но старые ноги аксакала, прошедшие тысячи километров горных троп, отказали: дагестанец только дернулся, словно его ткнули оголенным электрическим проводом, и без сил опустился на свое место. Вероятно, свое последнее место в этой жизни.

– Эх... война, – пробормотал он уже на своем родном языке, – у меня младшему внуку, наверно, столько же, сколько тебе... Суки.

Последнее слово расшевелило в русском пареньке едва тлеющие жизненные силы. Потому что старик снова перешел на русский язык.

– А тебя-то за что? – спросил Путинцев и сам ужаснулся тому, как звучит его голос. Пискляво, дрожаще, неловко, словно глубоко в горле застрял старый засохший кактус и теперь мешал дышать и говорить. – Ты же вроде... не...

– Э-э-э, сынок, разве они разбирают, кто есть кто? Разве они мусульмане? Разве они чтут Коран? Разве они вообще люди? Если среди этих отродий шайтана ходят и совсем черные, похожие на обезьян... и арабы... и даже твоей крови. Беловолосые. С голубыми глазами. Как немцы, с которыми я воевал полвека назад. И только аллах ведает, кто хуже – те или эти.

Саша хотел что-то ответить, но голова закружилась так, что с болезненным уханьем запрокинулось в глазах серо-голубое, с клочками седеющих туч небо. И ему уже не суждено было понять, что не небо он вовсе видит, а низко нависший над его фигурой свинцовый потолок с белыми полосами тускло сочащегося из угла света маломощной лампочки.

И тут в неподвижном воздухе что-то порвалось. И старик, и умирающий русский почувствовали это так же явно, как если бы это был ломающий угрюмую неподвижность безнадежного оцепенения порыв ветра. Свежего ветра с русских равнин. Которые там, так близко, за линией фронта.

Что-то сдвинулось с места – что-то изменилось. Старик глубоко втянул спертый воздух, и по легким поползло саднящее жжение. Он поднял руку и почувствовал такую ватную слабость во всем теле, какую не чувствовал даже в прошлом году, когда лежал при смерти, а заботливая родня все-таки выходила главу семейства.

И тут его взгляд упал на русского. Упал и подернулся будоражащим суеверным ужасом.

Потому что с Сашей происходило что-то необъяснимое и страшное. Его тело, такое слабое и анемичное, словно бы лишенное костей и сухожилий, вдруг дернулось, запрокинулось и изогнулось, а потом внезапно выпрямилось с испугавшей старика пружинистой, упругой, нечеловеческой силой.

Прерывистые конвульсии – словно в эпилептическом припадке – сотрясали тело несчастного, и Саша с силой ударился затылком в серую свинцовую стену. Еще и еще. Удары были такими мощными, что мягкий металл подался и образовал на своей поверхности несколько вмятин, хорошо видных даже человеку со слабым зрением.

И тут началось самое жуткое. Словно невидимая кисть прошла по коже русского... на ней засерели грязно-пепельные пятна, быстро темнеющие и расползающиеся по молодой коже. Вот они захватили все лицо и шею, руки скрючились и почернели, как обугленные, и стали выглядеть так, словно они принадлежали негру.

Старик протянул руку к корчащемуся и усыхающему буквально на глазах русскому... но тут будто кинжал сверкнул перед мутными полуслепыми глазами.

Старик-дагестанец упал, ударился головой о стену – покатылся, словно тряпичная кукла, набитая опилками, и застыл.

Оскал старого, почти беззубого рта черным провалом взирал на потолок...

* * *

– Ты посмотри, Руслан, как будто обгорел парень. А старик тоже копыта откинул. Значит, и на него подействовало?

Произнесший эти слова пригладил взъерошенные светлые волосы. Потом пристально посмотрел сначала на труп старика-дагестанца, лежавший на полу камеры, затем на часы, в стекле которых отражалась часть широкого славянского лица, и добавил:

– Хотя нет. Смотри, он чистенький. Никаких этих... следов. От страха скопытился, не иначе.

– Да, впечатляет. Значит, не зря нам...

– Звонят, кажется, – перебил говорившего его собеседник и извлек из-под светлого пиджака мешковатого покроя мобильный телефон: – Да, я слушаю. Да. Что? Удачно ли прошло? Ну... наверно, удачно. Только старик тоже готов. Хоть и кавказец. Повторить на молодом? Ясно. Есть у меня один вариант. Совсем без башни человек. Да, на игле. Психостимуляторами по вене двигается. Делать?

Глава 1

Вызов

Весь вечер я занималась тем, что совершенствовала свое и без того немалое (об этом я могу говорить без всякой ложной скромности) искусство кулинара. На этот раз я чудодействовала над креветками.

У нас в России не особенно ценят их специфические вкусовые качества, да и во многом все упирается в утилитарный финансовый вопрос: на картошку бы денег хватило, не то что там на всякие деликатесы.

Ну да ладно, к бедным слоям населения меня отнести едва ли можно, несмотря на то что на официальном месте своей работы – в Комитете солдатских матерей, где я числилась в должности юрисконсульта, – моя зарплата составляла далеко не астрономическую сумму. Полторы тысячи. И не долларов, как могло бы показаться иному прочитавшему о моих экспериментах с креветками, а самых что ни на есть родных «деревянных».

А на креветки и крабы были, скажем так, другие источники дохода.

Но приготовить одно из своих любимых блюд так, как я того хотела, мне было не суждено. Обычно это делается так: очистить креветки, извлечь мясо, затем на сковороде вылить масло и обжарить на несильном огне измельченный чеснок, а через некоторое время положить к нему креветки. Посолить, поперчить, добавить уксус, муку и оставить томиться несколько минут.

А затем претворить в жизнь вторую часть кулинарного действия: приготовленные креветки, смешанные с чесноком, выложить в глубокую посуду, посыпать мелко порубленной зеленью кориандра, базилика и мяты, а также добавить тертый мускатный орех.

Чтобы устроить совсем уж незабываемый пир души и тела, готовое блюдо следует залить белым вином.

Вот такие тонкости.

Но я не успела выдержать всю рецептуру, как говорится, от корки до корки: в самый ответственный момент, когда мне следовало бы положить в обжаренный чеснок мясо креветок, раздался звонок в дверь. Я пожала плечами и продолжила работу. Такого не бывает, чтобы ко мне приходили в девять часов вечера без предварительного звонка – никогда. Наверно, это чья-то глупая шутка.

Скорее всего по подъезду бегают хулиганистые мальчишки и коротают свой досуг, называя в квартиры жильцов.

Но когда в дверь позвонили вторично, я была вынуждена признать, что кто-то на самом деле упорно тшится ворваться в мое обиталище.

Что ж, делать нечего. Я наскоро выложила мясо креветок в сковороду, прошла в прихожую и, вздохнув, начала открывать дверь, уже запертую на ночь на несколько замков, потому как гостей я сегодня не ждала.

– Кто там?

– Юленька, это я... Екатерина Ивановна, – раздался за дверью дрожащий женский голос, в котором явно слышались звенящие истерические нотки, так, словно его обладательница балансировала на грани жестокого нервного срыва. – Открой, пожалуйста... я тебя сегодня весь день искала... не знаю, что делать... Господи, не понимаю...

Этот бессвязный набор слов, произнесенный непослушными губами измученной женщины, говорил о том, что произошла какая-то беда. Быть может, даже непоправимое горе.

– Да, да, конечно, тетя Катя... одну секунду.

Я быстро открыла дверь.

На пороге стояла невысокая полная женщина лет сорока пяти, с широким круглым лицом и серыми глазами. Это была моя соседка по площадке, Екатерина Ивановна Баловнева.

До того момента я знала ее как человека, судьба которого полностью соответствовала его фамилии. Баловень. Баловень судьбы. Всякий раз, когда мне приходилось ее видеть, на этом круглом лице было написано добродушное, полнокровное довольство жизнью.

Нет, нельзя сказать, что ей жилось так уж легко – да кому вообще легко в наше время, даже «новым русским»! – но она никогда не унывала, а в серых глазах отражалась великодушная готовность преодолеть все трудности, десятками выползающие из вязкой рутины быта, и все-таки жить хорошо и весело, несмотря ни на что. Ее квартира всегда была полна гостей – ее друзей и знакомых, сослуживцев ее мужа, работающего в небольшой частной фирме, наконец, друзей ее детей.

И вот – первый раз за все время, что я ее знала, – на ее круглом добром лице было написано отчаяние. Откровенное, всепоглощающее. Нельзя даже сказать, что она была бледна – потому что назвать бледностью эту мертвящую пепельную серость, словно ожог, словно ядовитый мох расплзшуюся по лицу, было нельзя.

Серые глаза ничего не выражали. Ничего. Вы когда-нибудь смотрели в глаза слепых? Правда, говорят, у них самый всевидящий взгляд, потому что он улавливает то, что недоступно взору нормального зрячего человека.

Если рассуждать так, то глаза Екатерины Ивановны были еще более слепы, чем у того, кто лишен счастья видеть. Стекланные. Мертвые.

– Проходите, тетя Катя, – поспешно сказала я. – Что-то случилось?

Она не ответила, только шагнула через порог и тут же присела на низенький мягкий пуфик, словно ноги не слушались ее. Впрочем, вероятно, так оно и было.

– Выпьете воды? – с тревогой спросила я и, не дожидаясь ответа, бросилась в кухню.

От сковороды с креветками уже поднимался подозрительный дымок, напоминающий о том, что пора помешать их, но я не обратила внимания на это.

Я провела Баловневу в комнату и усадила в кресло.

– Хотите, курите, – предложила я, вспомнив о том, что в те редкие минуты, когда тетя Катя сильно нервничала и была в дурном расположении духа, она бралась за сигарету.

И я пододвинула ей пепельницу и поднесла зажигалку. Хотя, конечно, дымить у меня в квартире не принято. Но сейчас был не тот случай, чтобы говорить о моих привычках и нормах поведения в моей квартире.

– Так что такое случилось?

– Моего сына.... его... вот так, – выговорила она и захлебнулась глухим, без слез, хриплым рыданием. По всей видимости, она была так потрясена, что даже не могла плакать – слезы теснились где-то глубоко, но никак не могли прорваться, чтобы хоть немного снять это жуткое напряжение.

Откровенно говоря, я многое повидала на своем веку, мне приходилось видеть кровь и слезы, но такого лица, какое было сейчас у этой жизнерадостной, молодой и привлекательной женщины... такого еще видеть не приходилось.

– Что... что-то случилось с Петей?!

...Насколько мне было известно, у Екатерины Ивановны было двое детей: старший сын Петя и дочка Аня.

– Нет... не Петя. Саша... это мой сын от первого брака. Я же второй раз замужем... и вот он.

Дальше Екатерина Ивановна продолжать не смогла: бог сжалился над ней и ниспослал ей возможность выплеснуть свое горе в безудержной слезной истерике.

Успокаивать ее пришлось долго. Отпаивать кофе, раз за разом подносить к сигарете огонек зажигалки, пока наконец Екатерина Ивановна не обрела способность говорить.

– Саша... это мой старший сын. От первого брака. Я тогда была совсем еще молода... не сложилось. Тот, первый... у него сейчас другая жена. Сашу забрали в армию. И вот...

Голос ее прервался, но я и без того поняла, что именно последует за этой жуткой паузой. Да и что может ожидать мать солдата, который в пору кровавой чеченской войны призван в доблестные армейские ряды?

– В общем, они прислали запаянный цинковый гроб и написали... что, дескать, так и так... погиб при исполнении. Но Витя... мой первый муж... он по образованию врач. Он открыл гроб, чтобы... в общем, чтобы похоронить по-человечески... нашего Сашу. Похоронить. А там... а там... – Екатерина Ивановна прижала ладонь к мокрым глазам и, хрипло, с надрывом выдохнув, произнесла: – Одним словом, Витя сказал, что такого не может быть. Что Саша погиб не от пули и не от разрыва снаряда. Такое впечатление... будто он обгорел. Но Витя говорит, что ожоги так не выглядят... Это что-то... он сказал про бактериологическое оружие... с Сашей... делали что-то жуткое.

В общем, это было странно, если даже не учитывать того, что произошло с телом Саши Путинцева. Цинковый гроб вскрыли? Но ведь это само по себе – вопиющее происшествие. Ведь, как известно, гроб должны сопровождать посланцы из воинской части, в которой служил покойный. Так сказать, почетный караул. И пока гроб не опустят в землю, они, эти люди, должны находиться при нем неотлучно.

И никакое вскрытие гроба – само по себе дело нелегкое и весьма трудоемкое – не может произойти без ведома этих посланцев. Ведь можно и поплатиться: полетят их погоны, как осенние листья, отступи они в чем-то от буквы армейского закона.

Но, конечно, все это я не стала вываливать на Екатерину Ивановну. Ей, бедной, и без того хватит.

– Я не понимаю, – медленно проговорила я, – что же конкретно говорит ваш бывший муж?

– Он сам ничего не может понять... он сказал, что характер поражения... как будто Сашу долго... нет, я не могу! – И она снова разразилась рыданиями.

Я уже не пыталась успокаивать ее. Да и был ли в этом смысл? Что можно сказать матери, потерявшей сына на войне? Особенно когда в цинковом гробу присылают даже не тело, а сильно изуродованные останки... над которыми вытворяли невесть что. Жутко, но такова беспощадная правда жизни.

– Значит, так, тетя Катя, – проговорила я, – сегодня постарайтесь успокоиться... – я замаялась, – а завтра я займусь этим делом. Поговорю с Виктором. Я обещаю вам, что смерть вашего сына не останется... вы слышите, тетя Катя, я непременно разберусь, что произошло с ним! Конечно, бывает, что все расследования бессмысленны, но все-таки... Как зовут вашего мужа?

– Путин... цев. Путинцев Виктор Сергеевич...

Сложно говорить что-то в такой ситуации. Тетя Катя умоляюще смотрела на меня красными воспаленными глазами.

Шок – это по-нашему, пронесли в голове слова развеселой рекламы, получившие такой горький и разительно беспощадный привкус...

* * *

Екатерина Ивановна ушла после того, как я втолковала ей, что зайду завтра прямо к ней домой – ни на какую работу, разумеется, она идти не собиралась – и мы поедем к Виктору Сергеевичу.

Но на этом вечер разнообразных и содержательных впечатлений не закончился.

Во-первых, мои креветки превратились в груды дымящихся угольев, издающих не самый приятный запах. Во-вторых...

Об этом «во-вторых» следует сказать отдельно.

Я включила телевизор примерно в половине одиннадцатого и, наткнувшись на какой-то футбол, в котором я понимала не более, чем среднестатистическая домохозяйка – в космических технологиях, тут же переключила на СТС. Для тех, кто предпочитает телевизионному досугу более содержательные и полезные занятия, скажу, что это такой канал, на котором крутят сплошные американские телесериалы и «мыльные оперы» – бразильские, мексиканские и аргентинские.

Все это великолепие чередуется с музыкальными передачами, составленными по принципу «поздравляю дорогую бабушку со столетием и про-шу передать для нее песню в исполнении Клавдии Шульженко, какую-то там про вальс».

И надо же такому случиться – в тот момент, когда я включила СТС, на экране – большими белыми буквами по синему фону – было начертано следующее знаменательное поздравление:

БАГИРЕ

Поздравляю с днем рождения.

Счастья тебе в личной жизни и в работе.

Пусть всегда будет солнце. Ты же знаешь,
оно всегда восходит на востоке.

ГРОМ

Господи, как же я могла забыть! Ведь он предупреждал меня, что нужно посмотреть именно эту программу. Нашла же я накануне в почтовом ящике газету с телевизионной программой, где была обведена именно эта музыкальная передача с поздравлениями!

Ну и ну!

У меня просто перехватило дух: едва ли не первый раз в своей карьере я проявила такой вопиющий непрофессионализм, за который он – ГРОМ – мог сурово спросить. И никакие отговорки типа «подгорели креветки, уничтожала следы пожара» не помогли бы.

Просто я так непозволительно прониклась эмоциями Екатерины Ивановны, что едва не села в лужу. А ведь то, что я прочитала в программе музыкальных поздравлений, – это очень важное послание. И мне понятное.

«Счастья в работе» – совершенно очевидно, что у Грома есть ко мне дело.

«Пусть всегда будет солнце» – таким поэтическим манером он напомнил мне, что в городе Тарасове существует улица Солнечная, на которой расположено кафе «Восток», где он не раз назначал мне явки.

Итак, место известно. Время тоже определить несложно. Конечно, Гром мог написать мне прямым текстом, что так, мол, и так, жду тебя во столько-то. Но всегда предпочитал страховаться.

Итак, отрывной календарик за 1999 год. В принципе подошел бы любой, если учесть, что солнце каждый год восходит одинаково.

А мне была нужна именно дата восхода солнца завтра, восемнадцатого ноября. Так, шестнадцатое, семнадцатое... вот, восемнадцатое. Восход солнца – 7. 09.

Очень хорошо. Он назначает мне время встречи девять минут восьмого в кафе «Восток». Разумеется, не утра, а вечера. Он будет ждать меня завтра в девятнадцать с минутами.

Вот так.

Меня, Багиру, сотрудника разведки, наконец затребовали после нескольких месяцев простоя и работы там, где я числилась для прикрытия, – в Комитете солдатских матерей.

А завтра мне еще предстоит поработать именно по этому профилю. Ведь разобраться с делом сына Екатерины Ивановны Баловневой и ее первого мужа Виктора Сергеевича Путин-

цева, – это и есть то самое, что входит в мои обязанности юрисконсульта при официальном учреждении, – Комитете солдатских матерей.

* * *

Тот, кто наивно полагает, что разведка – это канувшее в Лету понятие времен блаженной памяти Штирлица и иже с ним, а также прерогатива деятелей времен «холодной войны», жестоко заблуждается.

Люди старой закалки считают, что силовые структуры советских времен нельзя и близко ставить с нынешними, в ельцинской России. В чем-то они, безусловно, правы, но это вовсе не означает, что ничего подобного уже не существует. За ненадобностью.

Дескать, все равно границы наши открыты для всех желающих – то бишь желающих помахать длинным баксом перед носом шалеющего российского налогоплательщика. Дескать, все секреты и тайны страны известны, вплоть до того, какая кнопка на ядерном чемоданчике Кремля и лично «гаранта» подрывает Нью-Йорк, какая – Лондон, а какая – Вашингтон.

Все не так.

Серьезные структуры существуют.

Существуют также серьезные, прекрасно подготовленные люди, на высоком профессиональном уровне обеспечивающие их бесперебойное функционирование.

Агенты.

И один из этих агентов – я. Юлия Сергеевна Максимова по прозвищу Багира.

Нельзя сказать, что путь к подобному поприщу – жестокому и неблагодарному, если уж на то пошло – был так прост. Нельзя сказать и того, что направляли меня исключительно моя собственная воля и наклонности.

Все было куда сложнее. В конце концов, нормальная женщина, с судьбой, не изломанной ветрами перемен и прихотливых веяний рока, никогда не попадет в разведку.

Можно возвести это в абсолют: женщина никогда не станет на такой путь по собственной воле. Если у нее есть родные, дом и вообще – все то, ради чего обычно живет существо, романтично именуемое хранительницей очага.

До окончания школы моя жизнь шла так, как у большинства сверстниц. Завершив среднее образование, я хотела поступить в Тарасовский юридический институт, но тут пришла страшная весть: погибли мои родители.

...Меня всегда бесило словосочетание: трагически погибли. Как будто погибнуть можно как-то иначе... комически, что ли. И когда я прочитала это словосочетание в официальном уведомлении – «...трагически погибли...» – я не заплакала. Не заплакала в ситуации, когда плакать было просто необходимо.

Плакать, чтобы не поседеть. Плакать, чтобы не замкнуться в себе и не сойти с ума. Все это я подумала, когда увидела перед собой – сегодня – Екатерину Ивановну Баловневу.

Но о моих родителях...

Папа был военным. В звании полковника воздушно-десантных войск в феврале 1987 года он получил назначение на новое место службы: в одну из частей Нагорно-Карабахского района. Я думаю, все помнят, чем был тогда, в горбачевское время, Нагорный Карабах. То же, что сейчас Чечня. Страшная, незаживающая рана.

Он уехал туда вместе с моей мамой, оставив меня с бабушкой, Анной Владимировной. Я так ждала момента, когда смогу увидеть их...

Не получилось. И после смерти родителей я изменила свое решение поступать в юридический – тогда еще он не назывался Академией права – и поехала поступать в Москву. В Военно-юридическую академию. Я была зачислена в эту академию в августе восемьдесят седьмого и окончила ее с отличием в апреле девяносто второго.

...Окончание образования – высшего ли, среднего ли – почему-то всегда совпадало с трагическими событиями в моей жизни. В тот же день, когда я получила красный диплом, умерла моя бабушка. Оставив меня круглой сиротой.

Об этом я узнала через два дня после того, как официально получила высшее юридическое образование.

Вот так.

В академии я увлеклась айкидо и к окончанию учебы овладела им в совершенстве. Быть может, для девушки это странность, но когда ты не чувствуешь поддержки родных, когда ты совсем одна – жизнь начинает казаться совершенно иной. И исконные женские ценности подвергаются жестокой переоценке.

Так что не один молодой человек бросал дешевый флирт, когда я между делом – скажем, распитием коктейлей в баре – говорила, что я еще и мастер спорта по пулевой стрельбе.

Хотя нельзя сказать, что я терпела недостаток в поклонниках.

Один из них, «новый русский», ввел меня в элитный московский клуб, в котором собирались сплошь богатые эксцентричные люди и обучались, так сказать, разным разностям. Именно там я научилась древним единоборствам: стрельбе из арбалета, фехтованию на мечах и т. п.

Для членов клуба это нередко кончалось плохо: однажды двое представительных молодых людей – кстати, банкиров – повздорили на почве... в общем, из-за женщины. Этой женщиной была я.

Молодые люди стрелялись.

Причем на арбалетах.

В результате оба попали в одну палату – один с ранением левого предплечья, второй – с ранением грудной клетки.

Но это, как говорится, лирическое отступление. Важно другое: благодаря всем этим экзерсисам я привлекла к себе внимание спецслужб. Они учли мои наклонности и великолепное знание военного права, и в сентябре девяносто второго я была завербована и зачислена в органы ГБ секретным агентом.

Тогда и возникло кодовое имя – Багира.

Но это было еще не все. Далее события развивались уже по нисходящей: меня захватил могучий поток, и я уже не имела возможности вырваться из него.

После окончания академии я прошла полугодичный курс специальной подготовки в секретном лагере в Мурманской области. После этого получила назначение на должность помощника прокурора в части Прибалтийского военного округа, где помимо своей основной работы занималась сбором секретных данных об армиях прибалтийских государств, изъявивших желание войти в НАТО. Покинула Прибалтику вместе с последними частями российских войск.

В девяносто шестом году получила новое назначение, в военную прокуратуру Калининградского военного округа. На новом месте работы помимо основных обязанностей дважды участвовала в выявлении и ликвидации натовских шпионов в наших частях.

А потом была Босния... кровавый югославский конфликт, не желающий угасать и поныне. Словно вспыхнуло в одном месте, разбросало искры, и они занялись, разгорелись...

«Из искры возгорится пламя».

Но не надо об этом.

Глава 2

Два дела

К Путинцеву мы приехали утром. Прямо на работу, потому что в отличие от своей бывшей супруги Виктор Сергеевич не мог пропустить рабочие часы, поскольку был здесь совершенно незаменимым человеком. Впрочем, как и везде, где он работал раньше.

Это я поняла буквально из нескольких минут общения с ним.

Не понимаю, каким образом такая милая и добродушная женщина, как Екатерина Ивановна, могла не ужиться с таким деликатным и в высшей степени приятным мужчиной, как Виктор Сергеевич.

Он принял нас в небольшом кабинете, где, кроме него, сидели за компьютерами две женщины. Очевидно, бухгалтер фирмы, где работал Путинцев.

Он провел нас в заднюю комнату, предложил присесть. Я обратила внимание, что и на меня, и на Екатерину Ивановну он смотрел с одинаковой предупредительно-грустной улыбкой в темно-серых глазах.

– Катя мне говорила... вы юристконсульт в Комитете солдатских матерей, не так ли? – произнес он. Эта дежурная фраза в устах любого другого человека прозвучала бы сухо, но Виктор Сергеевич сделал это с таким выражением, что я почувствовала – совершенно неожиданно для себя – глубокую и искреннюю жалость к этому человеку. Хотя он совсем не выглядел опустошенным и подавленным.

– Да, совершенно верно. Екатерина Ивановна сообщила, что ваш сын... Александр Путинцев... погиб при невыясненных обстоятельствах... и...

Уголок властного рта Виктора Сергеевича страдальчески дрогнул: железное самообладание отказало ему.

– Я видел Сашу, – сказал он после паузы, во время которой налил из графина воды и предложил Екатерине Ивановне. – И могу сказать, что такого не бывает. Но я не стал бы копаться в этом деле... вы понимаете, это недопустимо. Я не хотел бы, чтобы вы занимались этим делом.

«Такого не бывает». Точно такую же фразу произнесла накануне и Екатерина Ивановна. «Такого не бывает». Что же сделали с несчастным мальчиком?

– Я не знаю, зачем Катя...

– Витя! – перебила его Екатерина Ивановна.

– Я врач по образованию, – продолжал Виктор Сергеевич после затяжной паузы, во время которой бывшая жена смотрела на него умоляющим взглядом, – и могу сказать, что характер поражения остается для меня полнейшей загадкой. Сравнения могут быть уместны... с мумией, что ли. Кожные покровы совершенно отмерли. Как будто их долго подвергали...

Его голос сорвался, и он, встав со стула, произнес:

– Вы...

– Да-да, – подхватила я, освобождая его от необходимости произносить это, – конечно, я взгляну на него сама. И потом мы решим, как поступить дальше. Только прежде я хотела бы задать один вопрос: как случилось, что цинковый гроб был вскрыт? Ведь, насколько мне известно, это совершенно недопустимо.

Виктор Сергеевич кивнул.

– Вы совершенно правы, Юлия Сергеевна, – сказал он. – Да, гроб с телом моего сына сопровождали старший лейтенант Богров и лейтенант Микульчик.

– А где они сейчас?

– Они уже отбыли в свою часть.

– Не дождавшись погребения... похорон? – Я удивленно посмотрела на страдальчески дрогнувшее лицо Путинцева и поняла, что несколько переборщила со своими расспросами.

– Я поясню, – тихо сказал он. – Я сам... самовольно вскрыл гроб. Потому что Микульчик говорил таким странным тоном о том, при каких обстоятельствах обнаружили тело Саши. Кроме того, Богров рассказывал немного иное... отличное от того, что сообщил мне его сослуживец. – Путинцев сделал паузу и закончил почти шепотом: – И я понял, что оба они что-то от меня скрывают. Вот так... и больше не будем об этом. Хорошо?

Я пригладила ладонью волосы и подняла на Виктора Сергеевича озабоченный взгляд.

– Хорошо? – с напором повторил он.

– Да.

– Что же вы собираетесь делать, Юлия Сергеевна? – почти с робостью, которую нельзя было заподозрить в этом большом и, очевидно, сильном человеке, спросил он.

– Будет видно по обстоятельствам. Не исключено, что придется поехать в часть, где служил ваш сын. И узнать все из первых уст. Если подтвердится то, что вы говорите.

Виктор Сергеевич посмотрел на меня если не с изумлением, то, по крайней мере, несколько ошарашенно:

– Вы... решитесь на такое? Зачем вам это?

– Почему бы нет? В конце концов, это моя работа.

– Да, но... номинально. Я думал, вы только посоветуете и... откровенно говоря, я не хотел прибегать к услугам вашей организации. Просто не видел смысла. Это Екатерина Ив... это Катя настояла.

– А что мне было делать? – деревянным голосом спросила она. – Что? Я же не могу... вот так... чтобы все оставалось, а мой Саша...

Фраза – ее единственная фраза за весь разговор – так и осталась незавершенной.

– Где он служил? – спросила я.

– В воздушно-десантных войсках. Под Ярославлем. А потом бросили под Гудермес, – ответил Виктор Сергеевич.

– Какая часть?

Последовал немедленный и точный ответ.

– А где Саша сейчас? В... – Я поспешно оборвала фразу, искоса посмотрев на застывшее лицо Екатерины Ивановны.

– В морге номер два, – договорил Путинцев. – Я хотел его забрать, но...

– Что – но?

– Катя не разрешила. Она сначала думала, что это какая-то ошибка. Что это не он. А потом признала. Только вчера днем.

Я поднялась со стула, а Путинцев негромко спросил:

– Как у вас с нервами?

– Не жалуюсь.

– Я тоже, – проговорил он, – но мне чуть плохо не стало, когда я его... увидел. – Он посмотрел на Екатерину Ивановну, которая с лишенным всякого выражения лицом уставилась в белую стену и добавил: – А вот она чуть умом не тронулась. Юлия Сергеевна... я поеду с вами один. Катю нужно отправить домой. К мужу и детям. Пусть немного отойдет. Чтобы похороны...

– Хорошо, – поспешно сказала я и повернулась к Екатерине Ивановне: – Тетя Катя!

Она медленно подняла голову, и я невольно вздрогнула: точно так же поднимала голову собака с перебитыми передними ногами и позвоночником, которая совсем недавно жила у нас в подъезде, а потом пропала. Ее звали и Жучкой, и Шариком, и Бобиком, и на каждое имя она вздергивала измученную умную морду, и черные, полные боли – почти человеческие! – глаза спрашивали: ну чего, ну чего вы от меня хотите? Даже не дадите спокойно... умереть.

Тетя Катя хотела приютить пса у себя, но поздно: он исчез.

...И вот теперь она сама была похожа на эту собаку. Не дай бог никому из нас когда-нибудь быть похожим на это...

* * *

В самом деле – жутко.

Я видела горящий Грозный в первую чеченскую.

Я помню октябрь девяносто третьего, штурм «Останкина» и пустые глазницы почерневшего «Белого дома». Наконец, дотла разоренные боснийские деревни и тела убитых мирных жителей, валяющиеся прямо на обочине...

Едва ли не на моих глазах взлетел на воздух дом на Каширском шоссе. Я тогда гостила в Москве у подруги, с которой мы вместе учились в Военно-юридической академии. Ее дом был рядом.

Я вполне могла стать одной из жертв – пройди террористы домом дальше. Я одна из первых выскочила на улицу и увидела кошмар, возникший потом на экранах всей страны и еще долго пугавший мирных граждан по ночам, которые должны быть спокойными.

Но такого я еще не видела.

И не дай бог увидеть еще раз.

– Они написали, что он был в плену у боевиков, – сказал Виктор Сергеевич, не отрывая застывшего взгляда от изуродованного трупа сына. – По крайней мере, они думают, что он был в плену. Они нашли его в одном из горных сел, откуда армейский спецназ выбил чеченских боевиков.

– Что же вы предполагаете... что они с ним делали? – спросила я.

Виктор Сергеевич долго молчал, опустив глаза в пол, а потом решительно вскинул голову и бросил, задержав на мне угрюмый и напряженный взгляд:

– В прессе прошли сообщения, что они собираются применить биологическое оружие. У меня есть только одно объяснение случившемуся: это какой-то доселе неизвестный препарат. И они испробовали его на моем сыне. Как на кролике.

Я не стала спрашивать, верит ли он тому, что говорит. Было и без того очевидно, что верит. Просто не может иначе. Потому что самая жуткая версия все равно лучше неизвестности.

Я и сама подсознательно, но склонялась к той же мысли.

Хотя традиционное биологическое оружие действует совсем по-другому.

* * *

Я пришла в «Восток» в пять минут восьмого. То есть на четыре минуты раньше условленного Громом срока. Заказала себе стакан апельсинового сока и стала медленно цедить его через соломинку.

Гром появился неожиданно. Как всегда. Хотя я внимательно отслеживала появление любого нового человека в небольшом зале кафе, он возник как-то сразу, мягко прикоснулся большой массивной ладонью к моему плечу и присел на свободный стул.

Он постарел. Я не видела его несколько месяцев, но даже за это время он сдал. Да, девяносто девятый год выдался для него урожайным на происшествия.

...Седина в густых темно-каштановых волосах, тяжелый, неподвижный и непроницаемый взгляд светло-серых глаз.

Гром поправил пиджак и выжидательно, оценивающе посмотрел на меня. Ничего не сказал. Потом повернулся вполборота и кивнул подбежавшему официанту:

– Принесите мне минеральной воды, пожалуйста.

Официант косо посмотрел на нас – ну что за посетители пошли, одна апельсиновый сок пьет, а второй и вовсе минералку! – но Гром, казалось, понял, что тот подумал, и потому после внушительной паузы добавил:

– И бутылочку martini, пожалуйста. Ну и все, что к ней полагается, сами знаете.

Понятно. Гром почувствовал, что официант выделил нас из общего ряда, и поспешил в него снова затесаться. Осторожность совершенно излишняя, перестраховка, так сказать, но, как говаривал сам Гром, в нашем деле не бывает пере – , а только недостраховка. Но об этом недо – узнаешь только на небесах.

Лично я никогда не видела, как Гром пьет алкогольные напитки. Уверена, что не будет пить и на этот раз. В крайнем случае только чуть пригубит, а это, как говорится, не в счет.

– Рад тебя видеть, – сказал он. Да? А по голосу никогда не поймешь, рад ли он тебя видеть или же сейчас достанет пистолет и очистит белый свет от твоей персоны.

В принципе, хотя я знала его уже давно, все равно – могла ожидать от него чего угодно.

Абсолютно. Человек-загадка.

– Мы отправимся на прогулку, – без предисловий сказал он. – Впрочем, ты можешь выпить свой, – он втянул воздух ноздрями и еле заметно усмехнулся, – апельсиновый сок. А также немного martini. Конечно, это не то, что мы как-то раз пили с тобой в Монако, но все же...

«Пили»! И это он называет «пили»! Возможно, то, что делала я, и можно поименовать этим кратким, но в высшей мере содержательным глаголом, но Гром...

В миру его звали Андрей Леонидович Суров. Мое знакомство с этим человеком – если это можно так назвать – произошло далеко от того места, где мы сейчас сидели друг напротив друга и мирно пили апельсиновый сок и минералку.

...Это было в первый же день учебы на секретной базе Минобороны. А потом нас вместе направили на территорию Югославии с частями наших миротворцев. Сейчас, на волне последних событий в Косове, это понятие – миротворец – стало модным, а вот у тех, к кому оно имело самое непосредственное отношение, слово это было не в чести. Миротворец. Что-то елейное и неправдоподобное было заключено в нем. Надуманное.

Фальшивое.

И вот когда я была направлена на территорию Югославии, моим непосредственным начальником и стал майор контрразведки Суров Андрей Леонидович. Он и там проходил под кличкой Гром.

Его имя я узнала позднее – когда столкнулась с ним непосредственно.

Помимо так называемых миротворческих функций, группа Сурова осуществляла и закулисную деятельность, которая, по сути дела, и была основной. Мы занимались сбором агентурных данных об армиях стран, входящих в НАТО. С упором на бундесвер и итальянскую национальную гвардию.

Но потом мы едва не погибли. По той самой причине, которая, как выстрел из-за угла, как смертоносный кусок металла на минном поле, везде и всегда подстерегает разведчика: из-за предательства одного из членов нашей группы. Конечно, самое страшное, что нам грозило за границей, это арест, но, как коротко сказал Гром, обрисовывая ситуацию, в России нам бы не простили провала.

– Автокатастрофа или случайный кирпич на голову – то или иное, но нам бы обеспечили, – резюмировал он.

Я даже не стала спрашивать, кто именно обеспечил бы нам такие блестящие перспективы. И так понятно.

Слова Сурова частично подтвердились. Из Югославии нас, само собой, выпроводили. В органах же посчитали виноватыми в провале миссии и благополучно отправили всех в отставку. Без права оправдаться.

Выбросили, как щенков.

В девяносто восьмом я вернулась на родину, в Тарасов. Работу искала недолго. Было несколько предложений из различных инстанций вплоть до того, чтобы работать в госструктурах.

В конце концов так оно и получилось. Потому что ведомство с сомнительным по нынешним временам названием Комитет солдатских матерей и было государственной структурой. Куратором его, если мне не изменяет память, состоит лично губернатор области.

Туда-то я и поступила на работу в качестве юридического консультанта и думала, что мое знакомство с Суровым на этом прекратится.

Но не тут-то было. В том же году в руководстве ФСБ и одновременно ГРУ произошли серьезные кадровые перестановки, и меня без труда обнаружили и вновь довольно настойчиво востребовали к службе. Первоначально я отказалась и посчитала это единственно правильным решением.

И тут на сцену снова вышел Гром. Оказывается, он вернулся в разведку и теперь целенаправленно восстанавливал состав старой югославской группы, так грубо разогнанной прежним руководством.

Он заверил меня, что для возвращения на службу вовсе не обязательно в корне ломать устоявшийся образ жизни.

– Ты можешь оставаться в своем комитете или как он там называется... это даже будет способствовать твоей работе на нас.

Я не могла отказаться. Я всегда верила ему. Кроме того, существовал дополнительный фактор. Наркотик постоянного напряжения, делающий жизнь особенно яркой и красочной. Пресное существование под крылышком моей начальницы Светланы Алексеевны по прозвищу Патрикеевна не могло обеспечить мне того мощного выплеска адреналина, к которому я так привыкла за долгие годы.

По этому поводу Гром говорил:

– Если бы Штирлиц существовал на самом деле, его непременно расстреляли бы по возвращении на родину из Берлина. Потому что, как он ни устал от постоянной реализации всех сил – для того чтобы выжить под бдительным оком Мюллера и иже с ним, – он не смог бы жить как все.

И я вернулась.

В дальнейшем все приказы я получала только от Сурова. Причем сам Суров бывал в Тарасове редко. Для связи с ним было отработано множество разнообразнейших, безотказных и не привлекающих ненужного внимания способов. Как уже упоминалось, я не стала бросать работу в Комитете солдатских матерей. Гром был прав: комитет был очень удобной ширмой.

Но теперь о внешней разведке говорить не приходилось, поскольку, сидя в городе Тарасове, проследить планы агентуры стран НАТО довольно затруднительно.

Зато поле деятельности расширилось за счет задач внутрироссийского масштаба. И порой это было куда сложнее, нежели сбор информации о планах бундесвера и итальянской национальной гвардии.

То, чем я занималась в Югославии.

* * *

Мы не выпили даже трети того, что было в бутылке martin. Суров, по обыкновению, только пригубил и тотчас же поставил бокал на столик.

В кафе мы говорили о чем угодно, только не о том, что на самом деле привело его и меня сюда. Этот разговор должен был состояться не здесь.

– А теперь пора, – наконец сказал он, когда мы подробно обсудили кулинарные достоинства омаров и ошибки проигранного московским «Локомотивом» матча с английским «Лидсом».

Я думаю, нет надобности говорить, что я разбиралась в футболе примерно так же, как Андрей Леонидович – в кулинарии.

Мы вышли из кафе. Суров подвел меня к темно – серому «Ауди», совершенно теряющемуся в полумраке пустынной арки, и распахнул передо мной дверь.

– Куда мы едем? – спросила я, когда Андрей Леонидович вставил ключ в зажигание и завел двигатель.

– В администрацию.

– Куда?

– В правительство области, – уточнил он.

– Не на прием к губернатору?

– Нет. К вице-мэру Тарасова.

Больше вопросов я не задавала вплоть до момента, когда мы вошли в огромное здание, на фасаде которого метровыми золотыми буквами было написано: «Правительство Тарасовской области».

Молчаливый охранник в вестибюле, вероятно, уже обо всем предупрежденный, провел нас по пустым коридорам, несмотря на поздний час, залитых светом.

Вот паразиты, машинально промелькнуло в голове, а на электроэнергию небось денег нет, как говаривают ежеквартально в соответствующих инстанциях.

Охранник довел нас до большой металлической двери, оклеенной пленкой под дерево (на двери была черная табличка с красивой, золотом, надписью: «Первый вице-мэр А.П. Калитин»), и услужливо распахнул ее. За ней оказалась просторная приемная, в которой сидели два парня и хорошенькая секретарша, разговаривающая по двум телефонным линиям.

Как только успевала?

– Мы к Антону Павловичу, – спокойно проговорил Гром. – Он нас ждет.

– О ком сообщить? Ваше имя? – поднялась секретарша.

– Да вы ничего не говорите, девушка, – отозвался Гром невозмутимым голосом, – опишите меня и эту даму, Антон Павлович поймет.

Секретарша коротко взглянула на него, но, очевидно, вице-мэр что-то уже сказал ей заранее, потому что ни одного дополнительного вопроса не последовало. Она взмахнула длиннейшими ресницами и прошла в кабинет к шефу. Двое рослых парней переглянулись и, поднявшись, вразвалочку вышли из приемной.

Антон Павлович оказался высоким благообразным мужчиной лет сорока, с холемым улыбчивым лицом и приветливо поблескивающими серыми глазами.

Я всегда ассоциировала нового для меня человека с каким-либо животным, которого он мне более всего напоминал: я уже многократно убеждалась, что такой метод дает возможность лучше понять характер человека. А это при моей работе незаменимо.

Калитин напомнил большого валяжного кота, снисходительно поглядывающего большими неподвижными глазами и изредка мурлычущего самодовольно: вот, мол, какой я красивый и важный. На всем его облике лежала печать благополучия и обеспеченности, упорно не оставляющая представителей властных структур даже в самые тяжелые дни кризиса. Да, того самого, после семнадцатого августа. А что им, властям предрежащим? Все они живут в полном соответствии с анекдотом:...мальчик приходит к папе и говорит: «Папа, папа, водка подорожала... теперь ты будешь меньше пить?» – «Нет, сынок, это ты будешь меньше есть».

Кто папа, а кто сынок – объяснять не надо.

– Добрый вечер, Андрей Леонидович, – приветствовал Грома вице-мэр, протягивая ему пухлую ладонь. – Добрый вечер, Юлия Сергеевна, – повернулся он ко мне. – Ведь, если не ошибаюсь, это и есть...

– Да-да, – перебил его Суров, – это тот самый агент, которого я вам рекомендовал.

– Ну что ж, – Антон Павлович внимательно посмотрел на меня, и я поняла, что он совсем не так прост, как мне показалось с первого взгляда, – очень хорошо. Юлия Сергеевна, я думаю, рекомендации высокочтимого Андрея Леонидовича более чем достаточно для того, чтобы вы полностью оправдали мои надежды. Я слышал о вас много лестных слов.

Правда? Вот это забавно, подумала я. Лично я не слышала от Грома похвалы, исполненной большего одобрения и экспрессии, нежели короткое:

– Так. Все в норме. Свободна.

Оказывается, на людях майор Суров не так суров (извиняюсь за невольный каламбур): он даже иногда утруждает себя похвалами в мой адрес.

– Мы хотели бы поговорить с вами по очень серьезному поводу, Юлия Сергеевна. Вероятно, проблему, которая возникла перед нами, сумеете решить только вы. И не вследствие вашего высокого профессионализма. Возможно, большую роль сыграет ваш пол. – Мой пол? – В моем голосе невольно прозвучала ирония. – Что вы хотите сказать этим, Антон Павлович?

– Ничего особенного. Вероятно, я был слишком категоричен, – проговорил вице-мэр.

Несмотря на свою словоохотливость, Антон Павлович Калитин был человеком дела, потому что, не теряя времени, полез в свой стол и вынул оттуда черную папку, в которой, по всей видимости, сосредоточилось немало документов. Она прямо-таки распухла вдвое против обычно ожидаемого от любой добропорядочной папки объема.

Однако по виду, с которым Антон Павлович вынул ее и взял в руки, можно было судить, что она таковой – то бишь добропорядочной папкой – не являлась. Вероятно, будучи набита сплошным компроматом.

– Это именно то, ради чего я связался с Москвой и конкретно с Андреем Леонидовичем, – проговорил он. – Взгляните, Юлия Сергеевна... впрочем, нет, прежде я кратко обрисую вам ситуацию.

Я откинулась на спинку низкого кожаного дивана и приготовилась внимательно слушать. Мельком посмотрела на Грома: он сидел совершенно неподвижно.

– Прошла информация, что в городе существуют фирмы, которые, прикрываясь лицензиями строительных, юридических, торговых, промышленных контор, на самом деле занимаются совершенно иным. В этом плане меня интересует ЗАО «Ратмир».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.